

Роман КРУГЛОВ¹

ПРИШВИН КАК МЫСЛИТЕЛЬ

В этом году исполняется 150 лет Михаилу Михайловичу Пришвину (1873–1954). Для большинства читателей он остаётся автором детских рассказов о природе, однако это верхушка айсберга: большую часть жизни (с 1905 по 1954 год) Пришвин вёл дневники, в этом состояло его главное писательское дело. Отрывки из дневников становились материалом для публикаций, однако основная часть записей оставалась тайной. Для Пришвина это было своеобразной духовной практикой, познанием себя и мира в слове; как писала М.С. Штерн, его дневники «являются образцами не столько документальной, сколько лирико-философской прозы» [19, с. 354].

Наследие Пришвина как писателя-философа в последние годы активно изучается. Совокупность произведений и исследований о них позволяет говорить о его единой динамической художественно-философской системе. Она наиболее последовательно представлена в «Дневниках». Именно на их материале можно увидеть, как из жизни проросла своеобразная философия этого поэта в прозе. Поиски Пришвина созвучны многим проблемам современности, поскольку сосредоточены на вопросах постижения и «оправдания» человека. Человек в творчестве и даже в любви

¹ **Круглов Роман Геннадьевич** (1988, Ленинград) — поэт, литературовед и критик. Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Российского института истории искусств, доцент Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, руководитель Санкт-Петербургского отделения совета молодых литераторов Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

к ближнему самоутверждается, жаждет признания, потребляет мир вокруг себя. Человек — эгоист, стяжатель, исчерпатель всех мыслимых ресурсов. Может, нет у человека никакой свободы, или если есть, то он её не достоин? Пришвин не решал умозрительные вопросы, а честно искал путь для себя. Для писателя было очевидно, что путь для себя должен подходить и для других, иначе этот путь ошибочен. Этим Пришвин нужен и современен.

Несмотря на сосредоточенность на духовной проблематике, в записях Пришвина практически нет отвлечённых философских и теологических размышлений — автор мыслит в тексте как художник. «Дневники» Пришвина — в полном смысле слова художественная литература; творческий принцип этих записей точно характеризует фраза из книги «Глаза земли» (1981), собранной из дневниковых записей 1946–1950 годов: «Моё “я” в дневнике должно быть таким же, как и в художественном произведении, т. е. глядеться в зеркало вечности, выступать всегда победителем текущего времени» [9]. В личных записях, в знаменитых прозаических миниатюрах, в почти публицистических по интонации повестях революционного периода автор занимался не интеллектуальными построениями, а лирическим (то есть, прежде всего, личным) созерцанием и отображением мира и человека в мире.

Уже в первых произведениях Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907) и «За волшебным колобком» (1908) — простой и выпуклый язык, поэтическая точность наблюдений, притчевое или вспомогательное значение сюжета. И такая поэтика, и сама тематика природы в значительной части произведений Пришвина связаны с его мировидением — изначально гармоничным. Любовное внимание к предмету и направление мысли свидетельствуют о благодарномприятии мира.

Созерцание природы в произведениях Пришвина связано с осознанием творческой роли человека в мире, сущностного единства мира и человека. Пришвин писал в дневнике от 28 апреля 1929: «Верю, что существует мир, созданный богом, и человек его душа» [12]. Как форма, так и содержание говорят о вероисповедальном характере этой записи. Согласно Г.П. Климовой, именно невозможность по цензурным соображениям говорить о религиозном подтексте творчества Пришвина привела к тому, что в освещении критики (и, как следствие, в восприятии читателей) он фигурировал, в основном, как бесконфликтный писатель-очеркист, знаток природы и путешественник [5, с. 53]. Духовная проблематика — прежде всего, темы пути художника, поиска смыс-

ла, творчества как жизнестроительства, — в той или иной степени характерна для творчества Пришвина на всех его этапах. В связи с этим философ С.П. Иваненков говорит о Пришвине как о представителе редкого исторического типа личности, для которого свойственно «полное сознание и развитие всех своих личностных задатков на протяжении всей жизни» [3], в этом исследователь сравнивает Пришвина с А.Ф. Лосевым.

Совокупность произведений Пришвина создаёт, согласно формулировке М.С. Штерн, автобиографический миф писателя: «Как все крупные художники начала века, он наполнил культурный миф собственным содержанием. В основе этой модели — становление творческой личности (не исключительной, избранной, а всякого человека, открывающего в себе творческое начало)» [19, с. 355]. Как многие лирические поэты, Пришвин создал автобиографический миф о своей судьбе на фоне эпохи. В нём можно выделить три крупных цикла: дореволюционный, революционный и советский.

Первый цикл становления личности отражён в раннем творчестве, в котором писатель искал собственный голос. Для этого периода характерен «интерес к народной вере» [17, с. 9]. В начале века Пришвин посещал заседания Религиозно-философского общества и с 1909 числился его действительным членом. В очерке «Голубиная книга» (1924) Пришвин писал: «Я очень интересовался русским человеком в отношении его к церкви, с одной стороны, и той природой религиозности, которую называют “язычеством”» [17, с. 553]. Несомненно, у Пришвина в этот период был интерес и к сектантству. В ранних произведениях Пришвина налицо элементы влияния Серебряного века — как стилистические, так и содержательные (к примеру, «Иван-Осляничек» 1913, «Саморок» 1914). Однако модернизм как мировоззренческая парадигма писателю всегда был органически чужд. Своеобразным промежуточным итогом исканий и пережитых разочарований стал приход к спасению и утешению в общении с прекрасной и мудрой природой, чувствуя которую художник находит путь к самому себе.

Второй цикл связан с революцией и Гражданской войной. В молодости Пришвин увлекался марксизмом, положительно отнёсся к февральской революции, но, как писал А.М. Подоксенев, «Октябрьский переворот художник воспринял не просто как очередную русскую смуту, но и как библейский апокалипсис, как время распятия Христа» [8]. В этот период Пришвин активно занимается публицистикой, в его дневниковых записях и опублико-

вавшихся произведениях отражены мучительные размышления о значении и цели происходящего. В дневниках, а также в повести «Цвет и крест» (1918) автор показывает смещение всех привычных представлений и полную растерянность в «подзаборной молитве»: «Господи, помоги всё понять, ничего не забыть и ничего не простить!» [17, с. 35].

Писатель, и прежде не склонный к идеализации народа, констатировал страшные перемены в людях: «раздумываю о двух “мы”: мы — товарищи и мы — православные. И о том, как это странно и неестественно сочеталось в одно: мы, товарищи, православные. А в итоге из русского человека, природу которого во всём мире считали за мягкую, женственную, вышла Горилла» [17, с. 49–50] («Цвет и крест»). Писатель утверждал идею о необходимости защиты природы, народа, личности от этой Гориллы — от зверского, эгоистичного, потребительского, т.е. разрушительного в себе самих. В этот период Пришвин представлял творческую деятельность, прежде всего, как преодоление разрушительных стихий, стремление сохранить хрупкую гармонию: «Природа остаётся могучей только внутри нас, в борьбе с личными целями, но то, что мы обыкновенно называем природой — леса, озёра, реки, всё это слабо, как ребёнок, и умоляет доброго человека о защите от человека-зверя» [17, с. 359] («Мирская чаша» 1919).

Зачастую революция в произведениях Пришвина показана как противостояние между утратившими человеческий облик мужиками и не менее страшными большевиками, которые одни своими жёсткими мерами способны обуздать разгульную вольницу. Автобиографический герой Пришвина старается примириться с революцией как с тяжёлым, но необходимым для народа очистительным испытанием: «Пришёл ко мне простой человек и такими словами сказал о нашей беде: — Цари наши не думали о человеке, их царское дело было собирать вокруг себя как можно больше земли и морей. Задавила земля человека, стряхнулся он, и царь пал. Тогда все бросились разбирать по карманам рассыпанное царство, а <про> то, из-за чего свергли царя, — про человека — забыли. Так и осталось славное русское царство и без царя, и без земли, и без человека. (...) Смирение русского народа достигло последнего предела, оно перешло по ту сторону черты, за которой нет креста: народ отверг и крест свой, и цвет свой и присягнул во тьму. — Что же нам делать? — спросил я. Он ответил: — Нужно собирать человека, как землю собирали цари. На это я возразил: — Теперь все говорят про человека. — Про французского че-

ловека, — перебил меня гость, — я же говорю про человека, пример которого дал нам Господь Иисус Христос» [17, с. 50–51] («Цвет и крест», вторая редакция 1918).

Осознание и принятие революции Пришвиным происходило постепенно и не полностью — напуганный её разрушительной силой, писатель относился к ней с тревогой и недоверием. В этот период утвердилась характерная пришвинская мысль о том, что жизнь осознающей себя и мир личности — это, во многом, тайная жизнь: «...я, может быть, больше многих знаю и чувствую конец на кресте, но крест — моя тайна, моя ночь, для других я виден, как день, как цветы» [11] («Дневники» 1918–1919). Опорой, помогающей сохранять твёрдость духа и видеть в мире гармоничное начало, для Пришвина было краеведение, изучение народа и общение с природой.

Для третьего цикла автобиографического мифа Пришвина характерно стремление к личному спасению через приобщение к общей правде. Как писал автор в 1946 г., «Из клочков моих признаний в дневнике в конце концов должна выйти книга “Дорога к другу” (...) Весь путь мой был из одиночества в люди. Мелькает мысль, чтобы бросить всё лишнее, ... и заниматься только тем, чтобы свести концы с концами, т. е. написать книгу о себе со своими всеми дневниками» [9] («Глаза земли»). Для Пришвина «свести концы с концами» значит обрести себя в единении с миром. Если итогом второго цикла стала охранительная позиция (молчание и попытки сохранить хрупкую естественную гармонию), то третий цикл — это возвращение к людям. Как обобщила А.Ю. Павлова, «в дневниковых записях 20-х — 30-х годов три темы оказываются на переднем плане: революция, религия, концепция личности (человек в реализации своих сущностных качеств)» [7, с. 18]. Пришвин примиряет два начала — «христианское» и «советское» (социалистическое) в обретении себя и служении людям, причём христианское начало для писателя приоритетно. При этом, по выражению А.А. Дырдина, «Пришвин принимает православное учение далеко не полностью, не исключительно в церковном обряде и культе, а в качестве морального закона и материала для изучения человека в его многообразных связях с действительностью» [2, с. 198]. Пришвин на переписи населения в 1937 году назвал себя православным христианином [1], однако при этом Пришвин в дневниках называет себя коммунистом вне партии и говорит о том, что настоящий коммунист — носитель высшей морали, отдающий душу за други [13]. Согласно А.Ю. Павловой, Пришвин,

«сближаясь с христианством, стремится остаться советским писателем, который синтезирует даже не конкретность идей, а интуиции, позволяющие двигаться к позитивному решению проблемы человека» [7, с. 19]. В поздний период творчества писатель стремился к примирению различных начал, осознанию мира в его целостности.

При всей противоречивой сложности мироощущения Пришвина для него характерен онтологический сущностный оптимизм. Его источники — внутренний опыт личностного роста, а также ощущение вечной мировой гармонии, приобщение к ритмам жизни природы. Творчеству писателя чужд проповеднический пафос, однако автобиографический миф Пришвина, несомненно, имеет дидактическую ценность (неслучайно творчество Пришвина давно входит в школьную учебную программу по русскому языку и литературе). Работая в стол, он, тем не менее, создал учение.

Как писала Г.П. Климова, Пришвин «провозглашает спасение себя и мира в природе. Всё его творчество наполнено спасительным призывом не просто уйти в природу, но и желанием сохранить природу, спасти человека. Пришвин хочет указать нам путь, на котором жизнь становится творчеством, не зависящим от трудных, невероятных обстоятельств. Человек как бы находит тот образ, по которому его создал Бог, и в своём творчестве становится ему подобным. Но одиночество и величие всемогущего Бога должны учить человека лишь терпению и стремлению быть со всеми по своей воле (соборности)» [5, с. 7]. В художественном мире Пришвина главную роль играет тема становления творческой личности, творчество как жизнестроительство.

В основе идей писателя — христианские ценности; это проявляется, помимо прочего, в своеобразии пришвинской концепции таланта. В лирико-философском комментарии к роману «Кащеева цепь» (1927) «Журавлиная родина» (1930) Пришвин писал о литературной ситуации начала XX — века: «Трагедия автора сверхчеловека общеизвестна... Вслед за первым поэтом, посмеявшимся объявить себя богом, появилось бесчисленное множество богов. (...) Тогда началась новая форма морально-эстетической болезни: богоискательство. Какой-то наивный, внушённый мне с детства страх божий не дал мне возможности проделать вполне серьёзно опыты самообожествления и последующего богоискательства, но, конечно, всё было так любопытно, что и я отдавал дань своему времени (...) Подражая богам, я тоже стал писать о себе, но в со-

вершено обратном направлении с декадентами: поскольку в этом «Я» было общего всему миру» [15]. Упомянутый «наивный страх божий» впоследствии определил уникальность, по сути, анти-модернистических взглядов Пришвина в контексте современной ему литературы.

Противоположен модернизму и творческий метод писателя, ориентированный на приобщение художника к изображаемой реальности. По Пришвину скромность является как бы критерием художественной точности, поскольку позволяет наиболее адекватно судить о собственной роли художника в мире. В книге «Глаза земли» дана исчерпывающая формулировка отношения Пришвина к художественному «Я»: «О себе я говорю не для себя: я по себе других людей узнаю и природу, и если ставлю “я”, то это не есть моё “я” бытовое, а “я” производственное, не менее рознящееся от моего индивидуального “я”, чем если бы я сказал “мы”» [9]. Более того, с точки зрения писателя скромность, даже определённое самозабвение — неисключаемые атрибуты таланта.

В рассказе «Мои тетрадки» (1940) Пришвин в свойственной ему манере аналогий с природой писал: «На высокой ёлке, на самом верхнем её пальчике, сидит маленький птичик. Я догадался, что птичик этот поёт, потому что клювик его маленький то откроется, то закроется. Но такой он маленький, птичик, что песенка его до земли не доходит и остаётся вся там, наверху. Птичик этот крохотный пел, чтобы славить зарю, но не для того он пел, чтобы песенка славилась птичку. Так я тогда в этом птичке и нашёл ответ себе на вопрос: что такое талант. Это, по-моему, есть способность делать больше, чем нужно только себе: это способность славить зарю, но не самому славиться. Вот ещё что я думаю о таланте: эта птичка поёт не только у поэтов, музыкантов и всякого рода артистов; в каждом деле движение к лучшему непременно совершается под песенку такой птички» [10].

В исследовательской литературе существуют различные оценки религиозности Пришвина: как христианского писателя и как писателя, приближающегося к христианству. Эта разница формулировок обусловлена не только разными взглядами на Пришвина, но и разными подходами к тому, что именно делает писателя христианским. Согласно А.Ю. Павловой, «ни художественные тексты, ни Дневник не позволяют говорить о чёткой христианской позиции художника, но очевиден интерес к христианской проблеме (...) Пришвинская религиозность — в литературности, в философии творчества, которая определяет становление человека в “со-

борных” масштабах без утраты личностной доминанты» [7, с. 19]. Материал произведений Пришвина говорит о неоднозначном понимании веры — одни и те же высказывания могут быть интерпретированы и как проявление веры, и как самобытная философия. Сам писатель скептически оценивал свою религиозность: «Какой же я православный, если лет 50 не говел! (...) православие — это моя связь со всей моей родиной, и в нём таится для моего нравственного сознания готовность идти к желаемому счастью через страдание и, если понадобится, через смерть» [1].

Однако Пришвин был православным по воспитанию человеком, и большая часть его произведений продолжает духовную традицию русской литературы. Специфическая пришвинская концепция творческой личности — по сути, своеобразное продолжение христианского гуманизма. Ценность славящего мировую гармонию, не самодостаточного скромного созидателя — это авторское уточнение к тому, что человек представляет высшую ценность как образ и подобие Божье.

Советский писатель и духовный реалист, Пришвин не редактировал себя под ту или иную идеологию, — стремился к чистоте своей правды. Эта честность сокровенного размышления и позволяет читателю отразиться и найти себя в опыте писателя, поскольку человеческие души так же подобны друг другу, как и тела. Как писал Пришвин в «Глазах земли», «одинокость неестественно, и человек, царь природы, тем он и царь, что вступает в борьбу со своим одиночеством и, преодолев в себе природу свою, живёт со всеми и всем царь» [9].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Варламов А.Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2008, 548 с. [Эл. ресурс] Электронная библиотека ЛитМир URL: <http://www.litmir.co/br/?b=129692&p=110> (дата обращения 11.09.2022).
2. Дырдин А.А. Духовное и эстетическое в русской философской прозе XX века: А. Платонов, М. Пришвин, Л. Леонов. Ульяновск, 2004.
3. Иваненков С.П. М. М. Пришвин: Бремя мира и личности [Эл. ресурс] Теоретический журнал Credo New URL: <http://credonew.ru/content/view/20/49/> (дата обращения 11.09.2022)
4. Ильюнина Л. Цвет и крест. 50 лет памяти писателя Михаила Пришвина [Эл. ресурс] Газета «Вера»» Книжная полка URL: <http://www.rusvera.mrezha.ru/473/9.htm> (дата обращения: 9.09.2022)
5. Климова Г.П. Творчество И.А. Бунина и М.М. Пришвина в контексте христианской культуры. Автореф. дис. ... док. филол. наук. М., 1993. 53 с.

6. Лишова Н.И. Мотив странствий в художественном дискурсе М.М. Пришвина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2012. 16 с.
7. Павлова А.Ю. Художественная концепция личности и нравственно-философские контексты её становления в прозе М.М. Пришвина советского периода. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. 23 с.
8. Подоксенов А.М. Библейские мотивы в повести «Мирская чаша» и дневнике М.М. Пришвина. [Эл. ресурс] Журнальный клуб Интелрос «Credo New» № 2, 2014 URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k2-2014/24578-bibleyskie-motivy-v-povesti-mirskaya-chasha-i-dnevnike-mm-prishvina.html (дата обращения: 8.09.2022)
9. Пришвин М.М. Глаза земли [Эл. ресурс] Электронная библиотека РуЛит. URL: <http://www.rulit.me/books/glaza-zemli-korabelnaya-chashcha-read-225679-1.html> (дата обращения: 11.09.2022).
10. Пришвин М.М. Дневники 1914 г. [Эл. ресурс] URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/authors/prishvin/pri-1914.htm> (дата обращения: 11.09.2022).
11. Пришвин М.М. Дневники 1918-1919гг. [Эл. ресурс] URL: <http://rubebooks.org/book.php?book=11931&page=156> (дата обращения: 11.09.2022).
12. Пришвин М.М. Дневники 1928-1929гг. [Эл. ресурс] Электронная библиотека Royallib.ru URL: http://royallib.com/book/prishvin_mihail/dnevniki_1928_1929.html (дата обращения: 10.09.2022).
13. Пришвин М.М. Дневники 1944-1945гг. [Эл. ресурс] Электронная библиотека Royallib.ru URL: <https://filosoff.org/prishvinmihail/tvorchestvo/dnevniki-1944-1945-gg/> (дата обращения: 10.08.2023).
14. Пришвин М.М. Журавлиная родина [Эл. ресурс] URL: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/zhuravlinaya-rodina/vi-klad.htm> (дата обращения: 10.09.2022).
15. Пришвин М.М. Кашеева цепь. [Эл. ресурс] Электронная библиотека Royallib.ru URL: http://royallib.com/book/prishvin_mihail/koshcheeva_tsep.html (дата обращения: 10.09.2022).
16. Пришвин М.М. Лесная капля [Эл. ресурс] электронная библиотека Mreadz.com URL: <http://mreadz.com/new/index.php?id=350981&pages=2> (дата обращения: 10.09.2022).
17. Пришвин М.М. Цвет и крест / Сост., вступ. Статья, подготовка текста и коммент. В.А. Фатеева. СПб.: Росток, 2004. 608 с.
18. Пришвина В.Д. Наш дом / Худож. В. Павлюк. — Изд. 2-е, перераб. М.: Молодая гвардия, 1980. — 336, [16] с.
19. Штерн М.С. Основы автобиографического мифа М.М. Пришвина. // Вестник Омского университета 2012 № 2, С. 354–358.